

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

№ 19(57) Ноябрь 2017 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ.....	3
1. РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В III КВАРТАЛЕ 2017 ГОДА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕЖНИХ ТРЕНДОВ (А.Каукин, Е.Миллер).....	6
2. ЯНВАРЬ-АВГУСТ 2017 ГОДА: СИНХРОННЫЙ РОСТ ИМПОРТА И ЭКСПОРТА (А.Кнобель, А.Фиранчук).....	9
3. ПРЕДПРИЯТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В III КВАРТАЛЕ 2017 ГОДА: СНИЖЕНИЕ СПРОСА (С.Цухло).....	15
4. БАНКОВСКАЯ ПРИБЫЛЬ: ЗАМЕДЛЕНИЕ РОСТА (М.Хромов).....	17
5. НУЖНА ЛИ РЕФОРМА МРОТ? (В.Назаров).....	20
АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА	24

Мониторинг подготовлен коллективом экспертов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Института Гайдара) и Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Редколлегия: Дробышевский С.М., Кадочников П.А., Мау В.А., Синельников-Мурылев С.Г.

Редакторы: Гуревич В.С., Колесников А.В.

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2017. № 19 (57). Ноябрь / Каукин А., Кнобель А., Миллер Е., Назаров В., Фиранчук А., Хромов М., Цухло С. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Кадочникова П.А., Колесникова А.В., Мау В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 24 с. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2017_19-57_November.pdf

При частичном или полном использовании материалов ссылка на источник обязательна.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

Предстоящие смена руководства ФРС и несменяемость руководства КНР, глобализация американских санкций против РФ и сверхплановый рост цен на нефть – таков своеобразный набор внешних неопределенностей, потенциально способных воздействовать на российскую (как, впрочем, и на мировую) экономику.

Смена власти в центральном банке США вызывает вопросы о степени преемственности в политике ФРС и самостоятельности нового главы Федерального резерва перед лицом не скрывавшегося президентом желания влиять на самого могущественного финансового регулятора в мире.

Продолжавшийся несколько дней съезд КПК, напротив, не оставил сомнений во всемерном и долговременном укреплении позиций китайского лидера, но породил их в отношении будущего экономического курса. Если экологический тренд в общем получил подтверждение, то остальные тезисы были демонстративно малосодержательными, как будто партийными лозунгами и церемониями опустили занавес над серьезными вызовами, вставшими перед Китаем. Отсутствие внятных ответов – несомненный фактор глобальной экономической неопределенности.

Таковым – в отношении России, но также и ее зарубежных партнеров – оказался новый раунд американских санкций. Хотя очередной санкционный список компаний и организаций в сфере оборонной промышленности, машино-, приборо- и авиастроения во многом повторяет уже существующий, он, по сути, подводит под санкции и любых возможных заграничных партнеров этих компаний. И хотя речь идет лишь о так называемых существенных сделках, никаких определений сознательно не дается. То есть и решения о санкциях, и опасения по поводу их введения попадают в широкую зону неопределенности, в которой – кроме российских предприятий – оказываются и иностранные поставщики, и иностранные покупатели (потенциально – даже гражданской авиатехники). На этом фоне новое ужесточение в нефтяном секторе выглядит несущественным: под санкциями окажутся проекты российских компаний, если они начнут их с нового года на глубоководных, арктических и сланцевых месторождениях за рубежом – подобных проектов не так много, и они не критичны для отечественных производителей (возникают преимущественно в процессе обмена активами с заграничными партнерами).

Критична же для них, как и для экономики в целом, по-прежнему цена на нефть, которая, вопреки большинству прогнозов, превысила 60 долл. за баррель. Подсчитано, что до конца года это может принести в бюджет дополнительно до 250 млрд руб. Хотя наиболее критична сама привязанность и стойкий интерес к любой нефтяной динамике: котировкам, движению запасов, строительству инфраструктуры, смене положения относительно других энергоисточников. К сожалению, из этого не возникает искомой экономической динамики.

Исследователи из Института Гайдара приходят к выводу, что динамика промышленного производства в 1 полугодии 2017 г. свидетельствовала о замедлении роста, наблюдавшегося в начале года, а динамика III квартала продолжает тенденции 1 полугодия. Отрасли, не связанные с инфраструктурными проектами (и не ориентированные на потребительский спрос), продолжали демонстрировать нулевую либо отрицательную динамику. В обрабатывающих отраслях определенный рост наблюдается в производстве транспортных средств (за счет продления госпрограммы стимулирования спроса) и химическом производстве. Однако в целом в обработке очевидных драйверов роста немного, в то время как в добыче полезных ископаемых (показатели которой ранее традиционно росли) в последнее время происходил некоторый спад – в основном за счет сокращения нефтедобычи в рамках известного соглашения с ОПЕК.

Тем не менее именно рост топливно-энергетического экспорта, обеспеченный повышением цен на соответствующую продукцию, в наибольшей степени обеспечил позитивную динамику российского экспорта в целом. Авторы, анализирующие внешнеторговый оборот за январь-август 2017 г., отмечают, что топливно-энергетический экспорт, составивший 61,4% совокупного экспорта, вырос за это время сильнее всего – на 31,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Это во многом и обеспечило положительное внешнеторговое сальдо (79,5 млрд долл.). В то же время и импорт рос довольно динамично (на 26,8%), что наши эксперты связывают прежде всего с укреплением реального курса рубля, отмечая, что эта корреляция проявляется уже достаточно очевидно: реальный эффективный курс национальной валюты в значительной степени определяет динамику импорта (в денежном выражении).

Потенциал внешнего рынка должен сыграть свою роль по крайней мере для части предприятий. Это может оказаться актуальным в условиях, когда промышленность испытывает растущие проблемы со сбытом.

Опросы российских предприятий демонстрируют, что к исходу III квартала 2017 г. баланс их оценок спроса на свою продукцию, выглядевший крайне оптимистичным в начале года, начал падать летом, а затем ушел «в минус». Лишились прежнего оптимизма и инвестиционные планы предприятий, хотя их финансовые возможности не ухудшились. Как «нормальную» оценивают сейчас доступность кредитов две трети промышленных предприятий (как и в начале года) – притом что ситуацию в самом банковском секторе все же трудно назвать абсолютно нормальной из-за громких банкротств и масштабных санаций.

По мнению наших экспертов, прибыль этого сектора, составившая по итогам трех кварталов 2017 г. 675 млрд руб., замедлила свой рост из-за масштабных убытков в банках, проходящих процедуру финансового оздоровления (за тот же период прошлого года прибыль составила 635 млрд). Убытки же saniруемых банков связаны с тем, что при введении временной администрации значительный объем их активов переводится в категорию с более высоким уровнем риска, что требует срочного увеличения резервов по ним. Эксперты отмечают, что отчетность этих банков перед началом процедуры санации выглядела значительно лучше реального положения дел, что вызывает определенный скепсис и в отношении показателей других банков, а также приводит к выводу, что

де-факто возможности Банка России как регулятора банковского рынка оказываются ограниченными.

Если вынести за скобки показатели четырех наиболее убыточных банков, то прибыль остальных кредитных учреждений за три квартала достигла 1141 млрд руб. (рост на 80% по сравнению с тем же периодом прошлого года). В том числе значительной была прибыль от регулярных банковских операций, однако этот показатель демонстрировал в течение года высокую волатильность. Итоговая же прибыль сектора за этот период практически целиком сконцентрировалась в государственных банках, что закрепляет их лидирующее положение. В то же время низкая рентабельность частных банков снижает интерес инвесторов и собственников к наращиванию их капитала, что лишь закрепляет их подчиненное положение по отношению к государственному банковскому сектору.

Между тем, при слабой кредитной активности корпоративного сектора розничный сегмент банковской системы кажется более активным. Частично, однако, это вызвано тем, что стали активнее брать кредиты не самые доходные и даже низкодоходные группы населения, и это вряд ли можно считать позитивным фактором, особенно учитывая, что динамика реальных доходов по-прежнему остается в отрицательной зоне.

В связи с этим эксперты, в частности, негативно оценивают использование механизма МРОТ и повышение уровня минимальной зарплаты как способа снижения уровня бедности и регулирования рынка труда. Так, например, согласно проведенным ими расчетам, повышение МРОТ до прожиточного минимума сможет понизить уровень бедности лишь на 0,6 п.п. с нынешних 13–15%. Итоговый вывод достаточно радикален: условия России настолько разнообразны, что если МРОТ вообще и имеет какой-либо смысл, то не на федеральном, а прежде всего на региональном уровне. ●

1. РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В III КВАРТАЛЕ 2017 ГОДА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕЖНИХ ТРЕНДОВ¹

А.Каукин, Е.Миллер

Динамика индекса промышленного производства в III квартале текущего года продолжает тенденции 1 полугодия. Наблюдается снижение нефтедобычи в соответствии с продленным соглашением с ОПЕК. Ожидаемый рост производства в промышленности в начале 2018 г. за счет макроэкономических структурных реформ и внедрения новых мер государственной поддержки инвестиционного кредитования пока не подкрепляется показателями выпуска обрабатывающего сектора.

Динамика промышленного производства в 1 полугодии 2017 г. свидетельствовала о замедлении роста, наблюдавшегося в начале года. Отрасли, не связанные с инфраструктурными проектами и не ориентированные на потребительский спрос, продолжали демонстрировать нулевую или отрицательную динамику².

Для анализа динамики индексов промышленного производства по отдельным секторам российской промышленности в III квартале 2017 г. Институтом Гайдара на основе актуальной статистики, публикуемой Росстатом, были проведены декомпозиция и выделение трендовой составляющей рядов³ в разбивке по классификации ОКВЭД-2007, ряды текущего года были пересчитаны по методологии Росстата⁴.

На *рис. 1–3* представлены результаты обработки рядов индекса промышленного производства, индекса производства в добыче полезных ископаемых и индекса производства обрабатывающей промышленности. Данные позволяют говорить о том, что общие для промышленного производства тенденции середины 2017 г. сохранились: наблюдаются близкие к нулевым темпы роста. Однако если соотношение динамики обрабатывающего и добывающего секторов в течение нескольких последних лет не менялось, то теперь можно наблюдать некоторые изменения.

После кризиса 2014 г. добыча полезных ископаемых уже к середине 2015 г. демонстрировала рост, объяснявшийся установившимся уровнем цен, приемлемым для производителей и позволявшим наращивать выпуск⁵.

1 Авторы выражают благодарность М. Турунцевой и Т. Горшковой за помощь в проведении статистического анализа.

2 Подробнее см. А. Каукин, Е. Миллер. Российская промышленность в середине 2017 года // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития, №15(53), Сентябрь 2017.

3 Выделение трендовой составляющей было осуществлено при помощи пакета Demetra с использованием процедуры X12-ARIMA.

4 См., А. Каукин, Е. Миллер. Новая методика Росстата и динамика отраслевых индексов производства в начале 2017 года // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития, №11(49), Июнь 2017.

5 Подробнее см., А. Каукин, Г. Идрисов. Российская промышленность в I квартале 2016 г.: начало стагнации? // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития, №7(25), Апрель 2016.

Однако, согласно наблюдениям в последние три месяца (июль-сентябрь 2017 г.) трендовая составляющая динамики производства в добыче полезных ископаемых показывает медленный спад. Данное изменение связано прежде всего с продлением соглашения между странами ОПЕК о сокращении добычи нефти еще на 9 месяцев с июля 2017 г., которое Россия поддержала, а также с договоренностью о мониторинге экспорта нефти. При этом, согласно заявлению главы Минэнерго России А. Новака на инвестиционном форуме «Россия зовет!»¹, динамика двух других составляющих индекса добычи – природного газа и угля – в конце года будет положительной. Рост производства газа связан с увеличением экспортных поставок – восполнением запасов подземных хранилищ газа на территории Евросоюза. По оценке Председателя правления ПАО «Газпром» А. Миллера, по итогам текущего года объем экспорта газа может вырасти до 200 млрд куб. м². Увеличение производства угля также объясняется ростом экспорта продукции, в основном за счет расширения поставок китайским металлургическим предприятиям.

В обработке стоит отметить отрасль производства транспортных средств, которая с начала II квартала 2017 г. демонстрирует рост (+103% в сентябре 2017 г. к декабрю 2016 г.), что, вероятно, связано с продлением государственной программы по стимулированию спроса и с ослаблением рубля в начале III квартала. С учетом курсовой разницы продукция, собираемая в России, имеет высокую ценовую привлекательность, что стимулирует развитие экспортного направления в данном секторе.

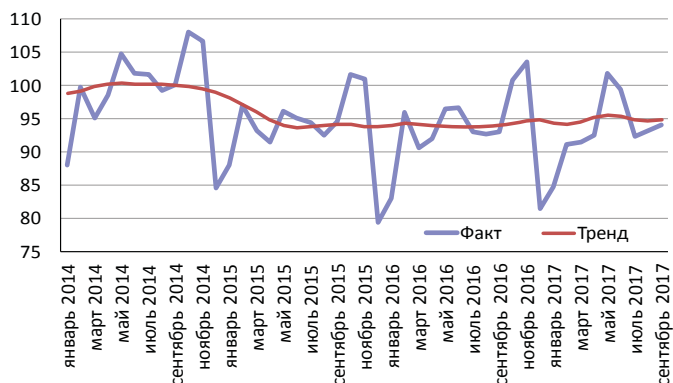

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства в 2014–2017 гг., фактические данные и трендовая компонента, % к сентябрю 2014 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов.

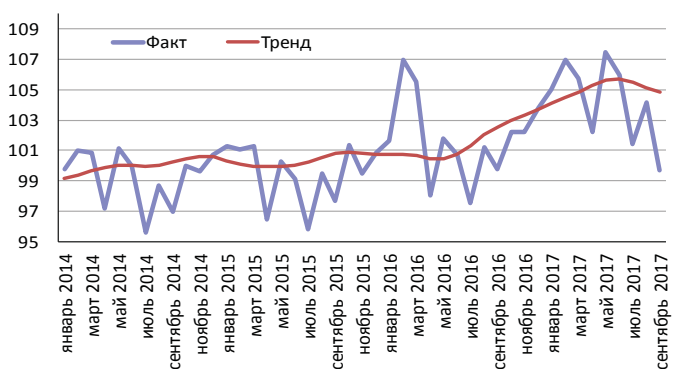

Рис. 2. Динамика индекса производства в добыче полезных ископаемых в 2014–2017 гг., фактические данные и трендовая компонента, % к июню 2014 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов.

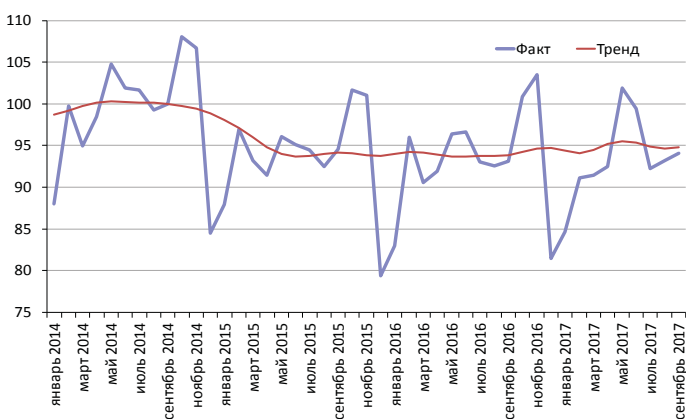

Рис. 3. Динамика индекса производства в обрабатывающей промышленности в 2014–2017 гг., фактические данные и трендовая компонента, % к сентябрю 2014 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов.

1 Новак: Россия увеличит добычу газа в 2017 году на 12% // ТАСС 24.10.2017 [http://tass.ru/ekonomika/4671704http://tass.ru/ekonomika/4671704]

2 «Газпром» увеличил прогноз экспортной цены на газ // РБК. 06.10.2017. [http://www.rbc.ru/business/06/10/2017/59d76d019a7947ab57ea2e7c]

Таблица 1

ИЗМЕНЕНИЕ ИНДЕКСОВ ВЫПУСКА ПО ОТРАСЛЯМ ЭКОНОМИКИ

	Доля в индексе промышленного производства, %	Сентябрь 2017 г. к июлю 2014 г., %	Сентябрь 2017 г. к декабрю 2016 г., %	Изменения последних месяцев (июль–сентябрь)
Индекс промышленного производства		98,07	100,20	Медленный спад
Добыча полезных ископаемых	34,54	104,92	101,11	Медленный спад
Обрабатывающие производства	54,91	94,60	100,04	Стагнация
в том числе:				
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	16,34	109,37	103,46	Медленный рост
текстильное и швейное производство	1,14	99,56	107,28	Спад
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,27	91,34	96,85	Спад
обработка древесины и производство изделий из дерева	2,02	104,30	102,21	Рост
целлюлозно-бумажное производство	3,35	74,70	90,04	Спад
производство кокса, нефтепродуктов	17,25	98,35	100,49	Стагнация
химическое производство	7,56	127,45	107,62	Рост
производство резиновых и пластмассовых изделий	2,14	105,66	103,57	Медленный рост
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	4,02	87,36	102,25	Стагнация
металлургическое пр-во и производство готовых металлических изделий	17,42	103,19	113,52	Медленный рост
производство машин и оборудования	6,97	87,16	93,55	Стагнация
производство электрооборудования, эл-го и оптического оборудования	6,27	88,42	98,41	Медленный спад
производство транспортных средств и оборудования	6,75	82,64	103,42	Рост
Прочие производства	2,42	80,77	97,67	Стагнация
Электроэнергия, газ и вода	13,51	100,80	99,53	Стагнация

Источник: Росстат, расчеты авторов.

Уверенный рост в сентябре 2017 г. продолжают демонстрировать химическое производство (+127% к июлю 2014 г. и +108% к декабрю 2016 г.) и производство резиновых и пластмассовых изделий (+106% к июлю 2014 г. и +104% к декабрю 2016 г.). Ожидается, что данная тенденция сохранится за счет завершения многих крупных инвестиционных проектов в этих отраслях в конце III квартала (открытие завода БАСФ в Санкт-Петербурге, запуск установки по производству высококонцентрированного формальдегида в Республике Татарстан и др.).

Таким образом, описанная динамика трендовых составляющих рядов производства в III квартале 2017 г. говорит о том, что тенденция к околонулевым темпам роста выпуска сохранилась в большинстве секторов. Намечился некоторый спад в добывающем секторе. Отрасли же, способные конкурировать на международном уровне, демонстрируют небольшой рост. Следовательно, прогнозы роста экономики в краткосрочном периоде (по мнению министра экономического развития М. Орешкина¹, факторами роста и создания новых производств будут структурные меры поддержки, такие, как, например, проектное финансирование и госгарантии) в части промышленного производства не находят однозначного подтверждения и должны быть интерпретированы с осторожностью: явных драйверов роста в обрабатывающем секторе на данный момент немного.

¹ Максим Орешкин – РБК: «Российскую экономполитику называют лучшей в мире» // РБК. 24.10.2017. [http://www.rbc.ru/interview/economics/24/10/2017/59ef70019a79472530b39a42?from=center_1].

2. ЯНВАРЬ-АВГУСТ 2017 ГОДА: СИНХРОННЫЙ РОСТ ИМПОРТА И ЭКСПОРТА

А.Кнобель, А.Фиранчук

Положительная динамика стоимостных объемов экспорта объясняется улучшением ценовой конъюнктуры на основные товары российского экспорта при относительно стабильной динамике физического объема поставок. А позитивная динамика стоимостных объемов импорта связана с укреплением реального курса рубля. Происходит стабилизация географической структуры товарооборота с поправкой на небольшое увеличение доли торговли на китайском направлении.

Начиная с ноября 2016 г., экспорт превосходит аналогичные показатели соответствующих месяцев предыдущего года (рис. 1). Экспорт в стоимостном выражении за первые восемь месяцев 2017 г. вырос до 222,7 млрд долл., что на четверть (+26,3%) превышает уровень января-августа 2016 г. Однако это все-таки ниже показателей более ранних периодов (94,8% от уровня января-августа 2015 г. и 64,4% – от уровня 2014 г.). Объем экспорта топливно-энергетических товаров (ТН ВЭД 27) составил 136,6 млрд долл. (61,4% от совокупного экспорта), прочих товаров – 85,7 млрд долл. (38,6%). Рост топливно-энергетического экспорта за первые восемь месяцев 2017 г. оказался более значимым (+31,8%), чем прочих товаров (+18,6%). При этом он остался ниже уровня января-августа 2015 г. (-11,2%), в то время как экспорт прочих товаров превысил уровень 2015 г. (+3,9%), приблизившись к докризисным значениям (87% от аналогичных показателей 2013–2014 гг.).

Импорт в стоимостном выражении за первые восемь месяцев 2017 г. составил 142,7 млрд

Рис. 1. Динамика экспорта России в 2016–2017 гг.

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС России.

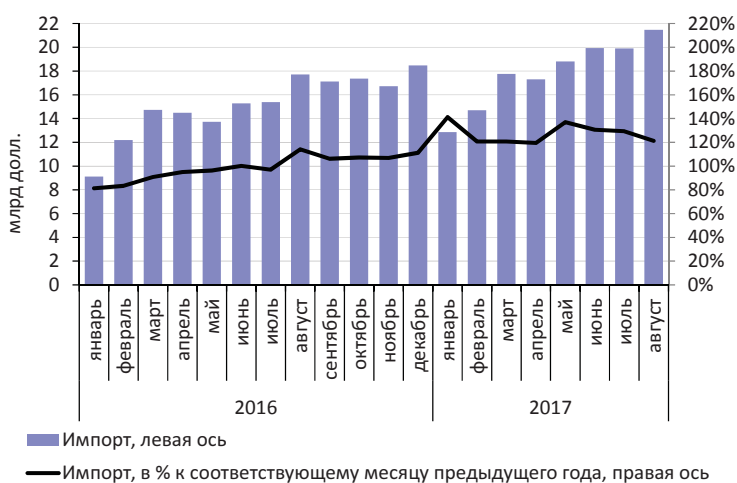

Рис. 2. Динамика импорта России в 2016–2017 гг.

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС России.

долл., что на 26,8% превосходит значения 2016 г. (рис. 2). Тем не менее импорт остается значительно ниже докризисного уровня 2014 г. (-26,1%).

Сопоставление реального курса рубля к доллару и стоимости импорта в долларах показывает (рис. 3), что по-прежнему наблюдается достаточно устойчивая взаимосвязь этих показателей.

Это согласуется с гипотезой, согласно которой именно реальный эффективный курс национальной валюты определяет динамику стоимостных объемов импорта¹. В январе-августе 2017 г. реальный курс рубля к доллару вырос на 19,9% по сравнению с аналогичным периодом 2016 г., что сопоставимо с увеличением импорта в тот же период (+26,8%)².

Динамика цен на основные товары российского экспорта представлена в табл. 1.

В первые восемь месяцев 2017 г. наблюдалось значимое увеличение цен на основные товары российского экспорта, за исключением минеральных удобрений (-6%) и сжиженного природного газа (-10%). Экспортные цены сырой нефти и нефтепродуктов выросли примерно на треть (+31 и +38% соответственно), цена на газ, образующаяся в привязке к цене на нефть предыдущих месяцев, также начала расти (+10%). Все основные металлы также выросли в цене на 9–38%, цены на древесину и изделия из нее увеличились на 3–16%. Все это обеспечило рост практически всех основных экспортных позиций, несмотря на значимое снижение физических объемов поставок некоторых изделий из древесины и металлов. Среди сырьевых товаров значимое снижение стоимости объемов экспорта произошло по природному сжиженному газу (-7%) и никелю (-22%).

Рис. 3. Динамика импорта России и курса рубля в 2013–2017 гг.
Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС России и ЦБ России.

1 См. Кнобель А.Ю. Оценка функции спроса на импорт в России // Прикладная эконометрика. 2011. № 4 (24). с. 3–26.

2 Следует также отметить, что 25 октября 2017 г. правительство России расширило список товаров, подпадающих под продуктовое эмбарго, запретив импорт живых свиней, свиного жира, пищевых субпродуктов свиней из ЕС, Норвегии, США, Канады, Австралии, Исландии, Албании, Черногории и Украины. Напомним, что, 21 марта 2017 г., Россия окончательно проиграла во Всемирной торговой организации спор, который был начат еще в апреле 2014 г., когда ЕС обратился в ВТО с возражениями по поводу запрета на поставку в Россию свинины и живых свиней из всех стран ЕС из-за угрозы африканской чумы. 19 апреля 2017 г. Россия заявила, что намерена выполнить это решение до 6 декабря 2017 г.

За последние три года (сентябрь 2014 г. – август 2017 г.) объем совокупного импорта товарных позиций, указанных в постановлении, из всех стран составил – 702,4 млн долл., из них 110,9 млн долл. (15,8%) пришлось на страны, на которые распространяется действие эмбарго. Значит, общее влияние расширения списка товаров, запрещенных к ввозу будет незначительным.

Таблица 1

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕН И ОБЪЕМОВ ПОСТАВОК ОСНОВНЫХ ЭКСПОРТНЫХ ТОВАРОВ
В ЯНВАРЕ-АВГУСТЕ 2016 И 2017 Г.

КОД ТН ВЭД	Название позиции	Цена		Изменение цены, %	Изменение физ объ- емов, %	Изменение стоимостных объемов, %	Доля в экспорте 01–08 2017 г., %
		Январь– август 2016 г.	Январь– август 2017 г.				
<i>Продовольственные товары</i>							
1001	Пшеница и меслин, долл./т	169	179	+6	20	27	1,34
<i>Топливо</i>							
2701	Уголь каменный, долл./т	51	74	+46	8	57	3,8
2709	Нефть сырая, долл./т	271	356	31	0	32	27,1
2710	Нефтепродукты, долл./т	275	380	38	–1	37	17,5
2711110000	Газ природный сжиженный, долл./куб.м	141	127	–10	3	–7	0,9
2711210000	Газ природный, долл./тыс. куб.м	156	174	12	9	22	10,5
<i>Химическая продукция</i>							
3102, 3104, 3105	Удобрения минеральные, долл./т	224	209	–6	6	–1	2,04
4002	Каучук синтетический, долл./т	1265	1803	42	2	45	0,54
<i>Древесина и изделия из нее</i>							
4403	Лесоматериалы необработанные, долл./куб.м	68	75	12	–3	8	0,43
4407	Лесоматериалы обработанные, долл./т	194	212	10	12	23	1,15
4412	Фанера клееная, долл./куб.м	376	436	16	–1	15	0,32
4702–4704	Целлюлоза древесная, долл./т	467	494	6	–3	3	0,30
4801	Бумага газетная, долл./т	396	409	3	7	10	0,14
<i>Металлы и изделия из них</i>							
72	Черные металлы, долл./т	311	428	38	–5	32	5,2
7403	Медь рафинированная, долл./т	4629	5812	26	10	38	0,97
7502	Никель необработанный, долл./т	8792	9590	9	–29	–22	0,40
7601	Алюминий необработанный, долл./т	1415	1651	17	–15	–1	1,5
<i>Машины, оборудование и транспортные средства</i>							
840130	Тепловыделяющие элементы (твэлы), необлученные, тыс. долл./шт	494	378	–24	11	–16	0,22
8411123009	Газовые турбины прочие, тягой более 44 кН, но не более 132 кН, тыс. долл./шт	3433	3847	12	–1	11	0,28
8450111100	Машины стиральные, бытовые, долл./шт	162	166	2	21	23	0,05
85287240	ЖК телевизоры, долл./шт	281	351	25	–33	–16	0,03
860692	Вагоны железнодорожные открытые, долл./шт	15 209	22 246	46	27	86	0,02
8703231940 (8703231910 – до 2017 г.)	Автомобили легковые с двигателем 1500–1800 см ³ , долл./шт	7255	8684	20	–16	0	0,08
8703231981 (8703231921 – до 2017 г.)	Автомобили легковые с двигателем 1800–2300 см ³ , долл./шт	15 900	17 175	8	32	43	0,04
8703231989 (8703231922 – до 2017 г.)	Автомобили легковые с двигателем 2300–3000 см ³ , долл./шт	36 154	31 334	–13	24	7	0,10
8704229108	Автомобили грузовые, с полной массой 5–20 т., прочие, долл./шт	32 116	33 549	4	–24	–21	0,03

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

Таблица 2

ЭКСПОРТ РОССИИ В ЯНВАРЕ-АВГУСТЕ 2016 И 2017 Г. ПО ТОВАРНЫМ ГРУППАМ

Код ТН ВЭД	Наименование	Янв.–авг. 2016 г.	Янв.–авг. 2017 г.	Изменение в 2017 г. относительно 2016 г.	Темпы прироста, %
		млн долл.			
01-24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	9 930	11 896	1 966	19,8
25-27	Минеральные продукты	105 472	139 091	33 619	31,9
27	Топливо-энергетические товары	103 645	136 568	32 924	31,8
28-40	Продукция химической промышленности, каучук	13 240	15 268	2 028	15,3
41-43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	186	209	23	12,4
44-49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	6 407	7 558	1 151	18,0
50-67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	576	666	90	15,6
71	Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	5 491	6 982	1 491	27,2
72-83	Металлы и изделия из них	18 177	23 143	4 966	27,3
84-90	Машины, оборудование и транспортные средства, в том числе:	10 173	11 216	1 043	10,2
84	Реакторы, оборудование, механические устройства	3 994	4 741	747	18,7
85	Электрические машины и оборудование	2 229	2 213	-16	-0,7
86	Железнодорожный транспорт	277	351	73	26,5
87	Средства наземного транспорта	2 271	2 208	-63	-2,8
89	Суда, лодки, плавучие конструкции	560	636	76	13,6
90	Инструменты и аппараты оптические	842	1 067	225	26,7
68-70, 91-97	Другие товары	1 198	1 534	336	28,1
SS	Секретный код	5 076	4 708	-368	-7,3
	Экспорт, всего	175 926	222 271	46 345	26,3

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

Экспорт промышленных товаров демонстрировал разнонаправленную динамику. Цены экспорта основных товарных позиций группы машин и оборудования изменились в диапазоне от -24% (твэлы) до +46% (вагоны); изменение физических объемов также было разнонаправленным: от -33% (ЖК телевизоры) до +32% (автомобили с объемом двигателя 1,8–2,3 литра). Стоимостные объемы экспорта изменились от -21% (грузовики), до +86% (вагоны). В последнем случае такой рост компенсировал падение прошлого года¹.

Динамика экспорта отдельных товарных групп в январе–августе 2017 г. объясняется следующими обстоятельствами.

Значительное увеличение экспорта **топливно-энергетических товаров** (на 32%) связано с ростом цен на 12–46% по сравнению с январем–августом 2016 г. и физических объемов экспорта угля и природного газа (табл. 1).

Увеличение физических объемов поставок зерна (пшеницы и меслина) в январе-августе 2017 г. (на 20% по сравнению с январем-августом 2016 г.) и цен на 6% привели к росту экспорта по этой товарной позиции более чем на четверть. Экспортные поставки **продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья** в стоимостном выражении выросли на 19,8%.

1 См. А. Кнобель, А. Фиранчук «Внешняя торговля в январе-октябре 2016 г.» в обзоре «Экономическое развитие России» №1, 2017, стр. 14-20.

Снижение экспортных цен на минеральные удобрения (на 6%) было компенсировано ростом физических объемов (+6%). В целом экспорт **химической продукции** увеличился на 15,3%.

Рост цен на **древесную и бумажную продукцию** вместе с разнонаправленным изменением физических объемов экспорта лесоматериалов, фанеры, целлюлозы и бумаги привели к увеличению стоимостных объемов экспорта на 18,0%.

Стоимостной объем экспорта **металлов** вырос на 27%, что связано со значительным увеличением мировых цен.

Основным фактором роста стоимости экспорта энергетических товаров, продукции химической промышленности, металлов и прочих товаров средней степени переработки (древесина, кожевенное сырье) явилось улучшение ценовой конъюнктуры на мировых рынках.

Рост стоимостных объемов экспорта **машин, оборудования и транспортных средств** (ТН ВЭД 84–90) на 1,05 млрд долл. (или на 10%) не имеет ярко выраженной причины – и цены, и физические объемы основных товарных позиций имели разнонаправленную динамику. При этом обращает на себя внимание снижение экспорта секретной товарной группы (на 7,3%).

Географическая структура товарооборота. В первые восемь месяцев 2017 г. географическая структура российского экспорта стабилизировалась. Доля ЕС практически не изменилась, сохранившись на уровне в 43,0% (табл. 3). Доли Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и Турции также не претерпели значимых изменений. Доля Украины в товарообороте осталась (-0,03 п.п.) на прежнем, рекордно низком, уровне в 2,1%. Рост доли Казахстана (+0,22 п.п.) превзошел снижение доли Белоруссии (-0,08 п.п.), что привело к умеренному увеличению доли стран ЕАЭС в товарообороте. Такая ситуация наблюдается третий год

Таблица 3

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТОВАРООБОРОТА РОССИИ В ПЕРВЫЕ ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ
2013–2017 ГГ. С ОСНОВНЫМИ ТОРГОВЫМИ ПАРТНЕРАМИ

Регион/ страна	Доля в товарообороте России (в %)					Изменение (в п.п.)
	01-08 2013	01-08 2014	01-08 2015	01-08 2016	01-08 2017	01-08 2017 к 01-08 2016, п.п.
ЕС в товарообороте	49,9	49,1	45,7	43,3	43,0	-0,34
ЕАСТ	1,8	1,2	1,1	1,3	1,3	+0,02
Турция	3,8	3,9	4,6	3,4	3,5	+0,06
АТЭС, в том числе:	24,5	26,3	27,7	29,7	30,8	+1,05
<i>Китай</i>	10,5	11,0	11,7	13,9	14,9	+0,97
<i>США</i>	3,2	3,8	4,1	4,2	4,0	-0,20
<i>Япония</i>	3,9	3,9	4,0	3,5	3,3	-0,25
<i>Республика Корея</i>	2,9	3,4	3,4	3,4	3,6	+0,24
<i>Вьетнам</i>	0,5	0,4	0,6	0,8	0,8	-0,04
СНГ, в том числе:	13,4	12,7	12,5	12,3	12,3	-0,04
<i>Украина</i>	4,5	4,1	2,7	2,1	2,1	-0,03
ЕАЭС, в том числе:	7,5	7,2	8,1	8,6	8,7	+0,15
<i>Армения</i>	0,1	0,2	0,2	0,3	0,3	+0,00
<i>Белоруссия</i>	4,3	4,1	4,5	5,3	5,2	-0,08
<i>Казахстан</i>	2,8	2,7	3,1	2,8	3,0	+0,22
<i>Киргизия</i>	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3	+0,01.

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

подряд. Значимо изменилась только доля стран АТЭС (+1,05 п.п.), достигнув 30,8% от товарооборота России. Такая динамика объясняется увеличением доли Китая (+0,97 п.п.), что в общем соответствует многолетней тенденции роста внешнеторгового товарооборота Китая. По данным Генеральной администрации таможни КНР¹, товарооборот Китая в 1 полугодии 2017 г. вырос со странами АТЭС на 22%, а с Россией – на 33%. ●

---

1 General Administration of Customs of the People's Republic of China: Review of China's Foreign Trade in the First Half of 2017.

3. ПРЕДПРИЯТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В III КВАРТАЛЕ 2017 ГОДА: СНИЖЕНИЕ СПРОСА

С.Цухло

Результаты опросов, проводимых Институтом Гайдара, показывают, что к исходу III квартала 2017 г., по оценкам предприятий, сформировался негативный тренд в динамике спроса на промышленную продукцию. Очищенный от сезонности баланс оценок предприятий постепенно все больше уходит в минус – спрос начинает снижаться, тогда как в 1 полугодии он демонстрировал скорее положительную динамику.

Большинство предприятий российской промышленности считали спрос на свою продукцию во II квартале 2017 г. «нормальным».

Баланс прогнозов спроса предприятиями российской промышленности достиг многолетнего максимума в феврале 2017 г. в результате постепенного наращивания оптимизма в ходе предыдущих 8 месяцев. В марте–июне промышленность сохраняла достаточно высокий уровень надежд на рост продаж своей продукции. Но в июле баланс оценок начал снижаться и к сентябрю ушел «в минус» – пока небольшой, но все же ставящий под сомнение успешное завершение 2017 г.

Пересмотр планов скорого выхода из кризиса 2015–2016 гг. заставил предприятия отказаться от поддержания своих запасов на уровнях, способных обеспечить такой выход. В сентябре баланс оценок запасов показал снижение их избыточности сразу на 5 пунктов, хотя с марта по август промышленность удерживала показатель в интервале +9 ... +11 пунктов. Указанные значения стали трехлетним максимумом, т.е. аналогичный уровень показателя регистрировался ранее в начале 2014 г.

Корректировка запасов готовой продукции произошла за счет текущего выпуска. Промышленность приступила к незначительному его сокращению.

Тем не менее она пока не отказалась от планов увеличения выпуска в конце 2017 г. Баланс производственных намерений в августе–сентябре прибавил 6 пунктов и достиг вполне приличных по кризисным временам значений. Однако два обстоятельства заставляют усомниться в реализуемости этих планов. Во-первых, динамика фактического выпуска в указанные месяцы, наоборот, ухудшалась. Во-вторых, прогнозы спроса растеряли весь оптимизм начала года и стали отрицательными. В такой ситуации производственные планы следующих месяцев могут развернуться вспять.

Несмотря на проблемы со сбытом, российская промышленность в III квартале 2017 г. последовательно наращивала темп роста своих цен. Если к исходу 2 полугодия показатель стал отрицательным (т.е. предприятия перешли к абсолютному снижению отпускных цен), то с июля баланс фактических изменений цен вырос уже на 27 пунктов и достиг величины в +20 пунктов. Такие значения баланса обычно регистрируются в январе месяце: +17 б.п. – в январе 2016 г., +22 б.п. – в январе 2017 г.

При этом ценовые планы промышленности с апреля текущего года (т.е. уже два квартала подряд) демонстрировали стабильность, пребывая

в интервале +6 ... +9 б.п. Такая умеренность ценовых прогнозов является, похоже, попыткой промышленности найти компромисс между слабым спросом и увеличением издержек. Последние, по оценкам предприятий, в III квартале 2017 г. решительно ускорили рост после торможения во II квартале. Если тогда баланс фактических изменений себестоимости упал до +2 пунктов (исторический, за 1997–2017 гг., минимум показателя), то в III квартале он вырос до +16 пунктов, а прогнозы предприятий сулят его рост в IV квартале текущего года до +28 пунктов. А впереди еще, заметим, традиционный скачок и цен, и издержек начала следующего года.

Промышленность продолжала наем работников даже в условиях торможения выхода из кризиса 2015–2016 гг. Баланс изменения численности персонала остается умеренно положительным уже семь из девяти месяцев 2017 г. Предприятия, таким образом, взяли на себя основную тяжесть борьбы с безработицей в 2015–2017 гг. Заметим, что в некризисные 2013 и 2014 гг. российская промышленность не могла себе позволить набирать работников и жила в условиях дефицита кадров, который превышал в отдельные кварталы 20% (доля предприятий, сообщавших о недостаточной численности работников). В 2015–2016 гг. масштабы дефицита кадров снизились до 11–13%, в 2017 г. – до 10%.

При этом уровень избыточной занятости, который должен расти в кризис, в 2015–2016 гг., наоборот, снижался и всегда был меньше уровня дефицита работников в российской промышленности. Но главным результатом как 2015–2016 гг., так и 2017 г. стало достижение лучшей (период нашего мониторинга в 1996–2017 гг.) обеспеченности кадрами. Этот показатель вырос за указанный период с 72 до 84%.

В III квартале инвестиционные планы российской промышленности не демонстрируют того оптимизма, который они набирали в I квартале и удерживали на уровне пятилетнего максимума во II квартале 2017 г. За III квартал текущего года баланс инвестиционных планов вернулся к нулю – былого оптимизма уже нет, но и пессимизм (отрицательного баланса) пока отсутствует. В такой ситуации вероятным становится торможение роста инвестиций, зарегистрированное в I полугодии 2017 г. При этом объемы инвестиций первых шести месяцев года устраивали (были оценены как «нормальные») 62% предприятий, что стало 5-летним максимумом. Но в III квартале, вслед за снижением оптимизма инвестиционных планов, удовлетворенность объемами вложений сократилась на 5 пунктов.

Условия кредитования российской промышленности оставались стабильными в течение всего III квартала 2017 г. Как нормальную доступность кредитов оценивают сейчас две трети предприятий. Этот уровень доступности регистрируется опросами с февраля 2017 г. и не сильно отличается от межкризисных значений. Средняя минимальная ставка, по которой банки готовы кредитовать промышленность, тоже была стабильна в III квартале и составила 13,3% годовых в рублях. ●

4. БАНКОВСКАЯ ПРИБЫЛЬ: ЗАМЕДЛЕНИЕ РОСТА

М.Хромов

Прибыль банковского сектора замедлила рост в результате выявления масштабных убытков в банках, проходящих процедуры финансового оздоровления. Среди банков, продолжающих функционировать в штатном режиме, большая часть прибыли аккумулируется в крупнейших госбанках. Доходность регулярных банковских операций остается весьма волатильной.

По итогам трех кварталов 2017 г. балансовая прибыль банковского сектора составила 675 млрд руб. Рентабельность активов (ROA) в годовом выражении за этот период достигла 1,1% в годовом выражении, а рентабельность собственного капитала – 10,7%.

Эти показатели оказались весьма близки к уровню прошлого года. В 2016 г. за аналогичный период прибыль банковского сектора составила 635 млрд руб.¹, а рентабельность активов и собственных средств – 1,0 и 10,6% соответственно. Уровень рентабельности банковского сектора остается низким по сравнению с докризисным периодом 2011–2012 гг.

Причина замедления роста прибыли банковского сектора в 2017 г. – убытки крупных банков, в отношении которых в III квартале 2017 г. был начат процесс финансового оздоровления. По итогам трех кварталов текущего года рекордсменами по убыткам стали 4 банка: ФК «Открытие» (-279,3 млрд руб.), Рост Банк (-82,8 млрд), Траст² (72,9 млрд) и Бинбанк (31,9 млрд). Итого – суммарно 466 млрд руб.

Убытки этих банков связаны с тем, что при введении временной администрации – обязательной процедуры в процессе финансового оздоровления – значительный объем активов переводится в категории с более высоким уровнем риска, что требует срочного увеличения резервов на возможные потери по этим активам. Соответственно возрастают расходы банков на формирование резервов, что отражается на их финансовом результате. До начала процедуры финансового оздоровления банки, как правило, демонстрируют вполне удовлетворительные финансовые результаты.

Так, банк «ФК Открытие», санация которого началась 29.08.2017, отчитался о прибыли в 7,1 млрд руб. по итогам июля 2017 г., а уже в августе в этом банке были зафиксированы убытки в размере 31,8 млрд руб. Основной же отрицательный финансовый результат в размере 254,5 млрд руб. пришелся на сентябрь.

Бинбанк и Рост Банк, в отношении которых процедуры финансового оздоровления начались 20.09.2017 г., официально считались

¹ См. ОМЭС № 17(35) за 2016 г. М.Хромов. Банковская система: прибыль растет, рентабельность низкая.

² В отношении банка Траст процедура финансового оздоровления началась еще в 2014 г. при активном участии ФК «Открытие». Эта аффилированность позволяет нам отнести Траст к группе банков, в отношении которых санация началась в III квартале 2017 г.

прибыльными еще по итогам августа (2,1 и 1,3 млрд руб. соответственно), а уже в сентябре были зафиксированы значительные убытки.

Банк «Траст» с начала процедуры санации в декабре 2014 г. раскрывал свою отчетность нерегулярно. Вероятно, его финансовые результаты были негативными на протяжении всего периода финансового оздоровления. Так, по итогам трех кварталов 2016 г. банк продемонстрировал убытки в размере 9,6 млрд руб.

На прибыль банковского сектора в целом значительное влияние оказали результаты проблемных банков. В связи с этим наблюдался значительный рост расходов на формирование резервов на возможные потери. За три квартала 2017 г. такие резервы увеличились на 605 млрд руб., в том числе на 370 млрд руб. только за сентябрь 2017 г. Годом ранее рост резервов за три квартала составил 361 млрд руб.

Прибыль банковского сектора, связанная с переоценкой счетов в иностранной валюте за три квартала 2017 г., оказалась равной нулю, тогда как за аналогичный период 2016 г. банки в целом потеряли на курсовой динамике 42 млрд руб.

Таким образом, прибыль от регулярных банковских операций составила в январе-сентябре 2017 г. 1279 млрд руб., что на 28% выше, чем годом ранее (996 млрд руб.). Это можно было бы считать позитивным сигналом, если бы не то обстоятельство, что прибыль от регулярных банковских операций остается весьма волатильной. За аналогичный период 2015 г. этот показатель был выше, чем за три квартала 2016 г. А на протяжении 9 месяцев 2017 г. объем прибыли менялся от 207 млрд руб. в январе 2017 г. до 47 млрд руб. в сентябре.

Что касается резкого изменения показателей банков, переходящих на режим санации, то оно свидетельствует о том, что проблемы этих банков зрели уже давно. Можно сделать вывод, что отчетность этих банков непосредственно перед началом процедуры финансового оздоровления была значительно лучше реального положения дел. Такая ситуация заставляет относиться с определенным скепсисом и к показателям других банков. Возможности Банка России как регулятора банковского рынка

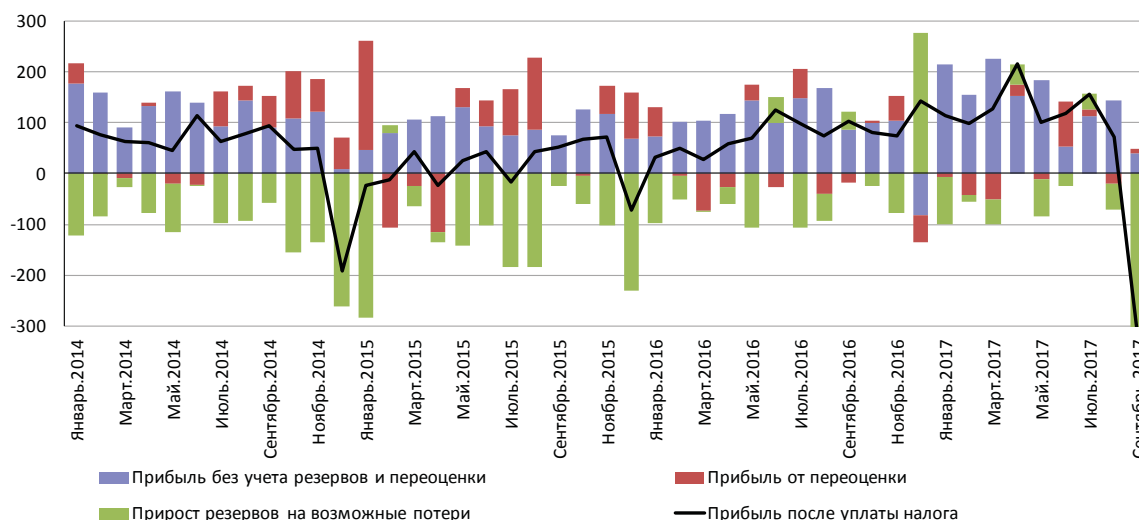

Рис. 1. Основные компоненты прибыли банков, млрд руб.

Источник: Банк России, оценки Института Гайдара.

по контролю за финансовым положением большинства банков де-факто оказываются ограниченными.

Как мы видим, нестабильность финансовых результатов российского банковского сектора тесно связана с его высокой концентрацией, когда показатели нескольких банков, в том числе и не самых крупных, могут оказывать существенное влияние на состояние всей банковской системы. Если убрать из рассмотрения четыре наиболее убыточных банка, то в январе-сентябре 2017 г. прибыль остальных банков достигла 1141 млрд руб., что на 80% больше, чем за соответствующий период 2016 г.

Другим аспектом такой концентрации является сохранение высокой доли госбанков. Так, на четыре крупнейших госбанка (Сбербанк, ВТБ, ВТБ24 и Газпромбанк) за три квартала 2017 г. пришлось 675 млрд руб. прибыли, т.е. можно сказать, что вся прибыль банковского сектора была получена госбанками. Высокая доля госбанков в прибыли банковского сектора закрепляет их лидирующее положение на рынке. Аккумулируя большее количество финансовых ресурсов для формирования собственного капитала, эти банки имеют соответственно и больший потенциал для развития по сравнению с частными банками. Возникает своего рода замкнутый круг. Низкая рентабельность частных банков снижает интерес их собственников к наращиванию собственного капитала, что закрепляет их подчиненное положение по отношению к государственному сегменту банковского сектора. ●

5. НУЖНА ЛИ РЕФОРМА МРОТ?

В.Назаров

Несколько месяцев назад правительство РФ одобрило законопроект о повышении минимального размера оплаты труда (МРОТ) до уровня прожиточного минимума: выдвигаются предложения о его увеличении до 25000 руб. Предполагается, что это приведет к снижению уровня бедности, повышению производительности труда, поможет «обелить» заработные платы. Однако расчеты показывают, что предполагаемая реформа МРОТ не позволит достичь ни одной из этих целей.

Идея повышения минимальной заработной платы в последнее время стала популярной как в правительстве, так и у оппозиционных политиков. Цифры называются разные: от постепенного дотягивания МРОТ с нынешних 7800 руб. до прожиточного минимума (сейчас для трудоспособного населения он составляет 11163 руб.) до немедленного повышения МРОТ до 25000 руб. в месяц.

Прежде чем обсуждать повышение МРОТ, надо понять, зачем в принципе это нужно делать. Если МРОТ работает как инструмент регулирования рынка труда, то его воздействие на экономику отрицательное, так как увеличение может привести к:

- росту безработицы;
- росту неформальной занятости;
- дискриминации половозрастных групп (например, молодежи будет труднее устроиться на работу);
- сокращению иных выплат работнику.

Последнее связано с тем, что, в соответствии с российским законодательством, помимо заработной платы работник может получать и иные социальные выплаты (оплата обучения, питания, проезда, коммунальных услуг, выплата материальной помощи и др.). Они не относятся к оплате труда и не могут быть учтены при выплате работнику заработной платы в размере МРОТ. Следовательно, увеличение может привести к тому, что рост расходов на заработную плату будет компенсирован сокращением социальных выплат.

Согласно модельным расчетам автора, сделанным на базе российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ¹, в результате повышения МРОТ до уровня прожиточного минимума бедность снизится на 0,6 п.п. с нынешних 13–15%, т.е. практически не изменится. Это объясняется тем, что бедность в России сосредоточена в домохозяйствах с большим количеством иждивенцев: детей, неработающих инвалидов, безработных. В то же время

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>

работники с низкими заработными платами зачастую имеют дополнительные источники дохода (пенсию, или с ними делятся своими доходами более обеспеченные члены домохозяйства).

Еще одной декларируемой целью увеличения МРОТ является повышение производительности труда. Такой вывод делается из предположения, что на рабочем месте с более высокой производительностью платят более высокую заработную плату. Это неверно, причем сразу по нескольким соображениям. Во-первых, нужно рассматривать ту добавленную стоимость, которую создает труд. Например, некоторые менеджеры или контролеры с высокими заработными платами могут создавать отрицательную добавленную стоимость. Следовательно, производительность труда не тождественна заработной плате. Во-вторых, ликвидация низкооплачиваемых рабочих мест повысит среднюю заработную плату в отчетах Росстата, но одновременно приведет к росту безработицы и неформального сектора экономики. Не логично повышать производительность труда, лишая людей легальной работы с помощью мер государственного регулирования.

Обычно повышение производительности труда происходит потому, что предприниматель, стремясь максимизировать прибыль, повышает эффективность, внедряет новые технологии и увольняет ставших ненужными сотрудников. Государству не следует этому препятствовать, оно должно обеспечить пособие по безработице, помочь уволенным найти работу и переобучиться. В России действуют противоположным образом: контрольно-надзорные органы мешают предпринимателю зарабатывать прибыль, жесткое трудовое законодательство и неявные запреты властей на местах увольнять людей сдерживают инновации, пособия по безработице мизерны, пособие по поддержке доходов домохозяйства на уровне прожиточного минимума не существует вообще, а службы занятости неэффективны. В этой ситуации повышать МРОТ – не лучшая идея. Это никак не повлияет ни на заработную плату, ни на производительность труда, а если и повлияет, то отрицательно.

Крайне сомнительной представляется и возможность «обелить» заработные платы с помощью повышения МРОТ. Работодатели могут перевести сотрудника на неполный рабочий день, повысить нормы труда и платить МРОТ только за выполнение трудовых норм.

Доказательством того, что МРОТ не работает как инструмент повышения производительности труда, снижения бедности и обеления заработных плат, является то, что в 35 регионах, где проживает 56% населения России, региональные власти уже установили минимальную заработную плату для работников организаций небюджетной сферы и индивидуальных предпринимателей на уровне близком (более 95%) или превышающем региональный прожиточный минимум (*рис. 1*).

Среди этих регионов немало таких, где показатели бедности или экономического развития выделяются не в лучшую сторону по сравнению с сопоставимыми территориями. Например, в республиках Карелия и Марий Эл, несмотря на установление региональной минимальной заработной платы на уровне прожиточного минимума, бедность существенно выше, чем в среднем по России и все последние годы неуклонно растет. Ничего не слышно и про успехи этих регионов в «обелении» зарплат и повышении производительности. Вместе с тем есть успешные регионы (например, Ульяновская область), где минимальная заработная плата

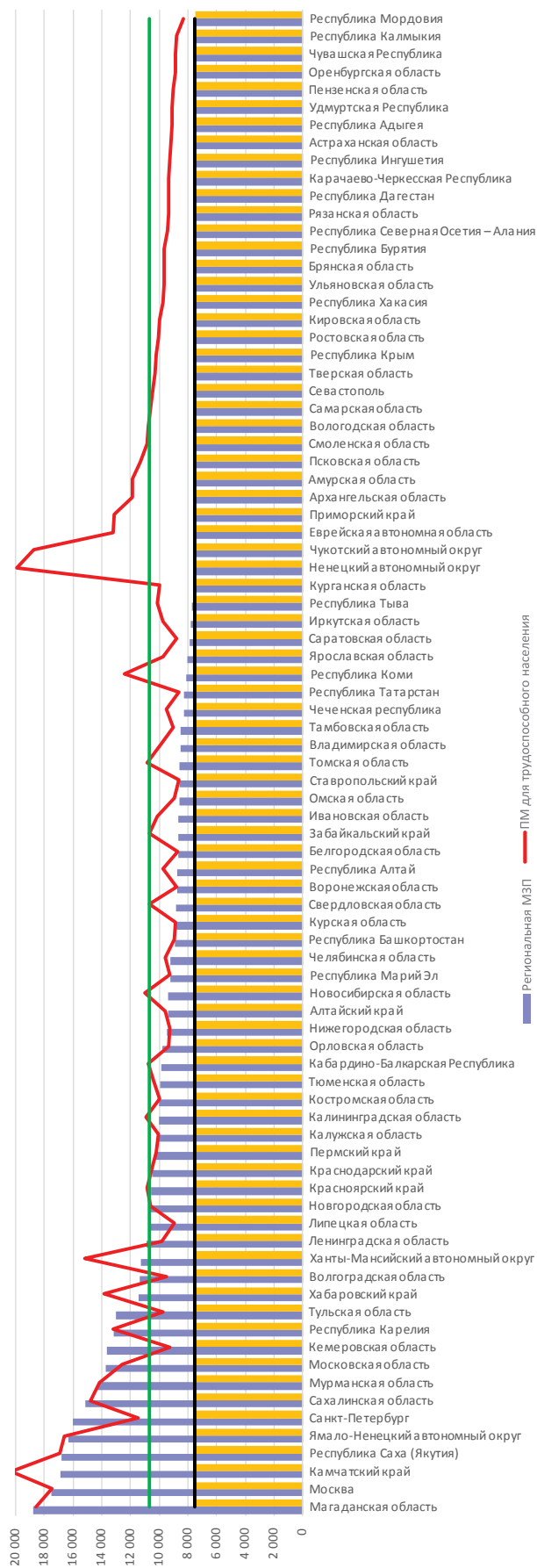

Рис. 1. Соотношение региональных и федеральных минимальных заработных плат (МЗП) и прожиточных минимумов (ПМ)
 Источник: расчеты автора.

существенно ниже прожиточного минимума, а показатели социально-экономического развития выше, чем в некоторых регионах с высоким уровнем минимальной заработной платы.

В целом же Россия настолько разнообразна по условиям региональных рынков труда, стоимости жизни, возможностям властей контролировать «теневую занятость» и другим параметрам, что применение какого-то федерального норматива к заработной плате лишено смысла. В Москве минимальный размер заработной платы уже установлен на уровне 164% от федерального прожиточного минимума. С учетом уровня экономического развития столицы это вряд ли является сильным тормозом для развития бизнеса. Напротив, для Республики Дагестан приравнять МРОТ к прожиточному минимуму означает увеличить существующий размер минимальной заработной платы на 40%. Очевидно, что столь сильное увеличение не обойдется без дальнейшего роста безработицы и расходов регионального бюджета, а также «теневизации» экономики. Если уж непременно необходимо вмешиваться в функционирование рынка труда, то пусть уж лучше это будут региональные власти, так как они гораздо быстрее и четче увидят результаты своего вмешательства и смогут более оперативно скорректировать размер минимальной заработной платы, что в принципе они уже и делают.

При этом повышение МРОТ приведет к увеличению размера пособий по временной нетрудоспособности застрахованному лицу, имеющему страховой стаж менее 6 месяцев, по беременности и родам застрахованной женщины, имеющей страховой стаж менее 6 месяцев, а также к росту расходов бюджета на оплату труда в бюджетных учреждениях. Расчеты показывают, что дополнительные расходы федерального бюджета на оплату труда и начисления на выплаты по оплате труда при повышении МРОТ до прожиточного минимума трудоспособного населения превысят 93 млрд руб. в год.

В целом, как показал опыт резкого повышения МРОТ 1 января 2009 г., при его увеличении в бюджетной сфере происходит выравнивание заработной платы низко- и высококвалифицированных работников. В выигрыше оказывается низкоквалифицированный персонал. Проблема «доведения заработной платы» вспомогательного персонала до размеров МРОТ может вызвать сокращение нормативов численности данного персонала, что далеко не всегда обоснованно.

В этих условиях необходимо постараться избежать привязки МРОТ к прожиточному минимуму, так как эта мера может ослабить контроль за дальнейшим его повышением. Прожиточный минимум регулярно пересчитывается, по МРОТ в настоящее время такого обязательства не существует. Создавать его нерационально, поскольку это затруднил бы демонтаж института МРОТ, который, на наш взгляд, был бы рациональным решением.

При невозможности принципиально отменить минимальный размер оплаты труда следовало бы отказаться от его индексации, постепенно двигаясь к его отмене. Как минимум было бы необходимо всячески содействовать его регионализации: на федеральном уровне принимаются методические рекомендации по установлению региональных МРОТ, при этом закладываются возможности устанавливать их на уровне ниже федерального. ●

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Каукин А., заведующий лабораторией исследований отраслевых рынков и инфраструктуры Института Гайдара, старший научный сотрудник лаборатории исследований отраслевых рынков и инфраструктуры ИПЭИ РАНХиГС

Кнобель А., заведующий лабораторией международной торговли Института Гайдара, директор Центра исследований международной торговли ИПЭИ РАНХиГС

Миллер Е., научный сотрудник лаборатории исследований отраслевых рынков и инфраструктуры ИПЭИ РАНХиГС

Назаров В., заместитель заведующего международной лабораторией экономики здравоохранения и его реформирования Института Гайдара, заместитель директора по науке Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС

Фиранчук А., старший научный сотрудник лаборатории исследований международной торговли ИПЭИ РАНХиГС

Хромов М., заведующий лабораторией финансовых исследований Института Гайдара, старший научный сотрудник лаборатории структурных исследований ИПЭИ РАНХиГС

Цухло С., заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института Гайдара